

Предисловие: ситуация все еще превосходна?

Одно из наиболее известных высказываний Мао Цзэдуна гласит: «Под небесами царит великое смятение; ситуация превосходна». Что имел в виду Мао, понять нетрудно: когда существующий общественный порядок распадается, наступающий хаос дает революционным силам отличный шанс действовать решительно и захватить политическую власть. Сегодня под небесами определенно царит великое смятение: пандемия COVID-19, глобальное потепление, признаки новой холодной войны, всплеск народных протестов и социальных противоречий по всему миру — вот лишь некоторые из кризисов, которые нам угрожают. Но правда ли, что этот хаос все равно делает ситуацию превосходной, или же опасность саморазрушения слишком высока? Разницу между ситуацией, которую имел в виду Мао, и нашей нынешней ситуацией лучше всего можно объяснить с помощью небольшого терминологического разграничения. Мао говорит о смятении *под* небесами, где «небеса» или большой Другой в той или иной форме — неумолимая логика исторических процессов, законы общественного развития — все еще существуют и незаметно регулируют соци-

альный хаос. Сегодня же нам следует говорить, что в смятении пребывают *сами* небеса. Что я имею под этим в виду?

В «Разделенном небе» (1963), классическом романе Кристи Вольф времен ГДР о субъективном влиянии разделенности Германии, Манфред (выбравший Запад) говорит своей возлюбленной Рите, когда они видятся в последний раз: «Но хотя наша земля разделена, мы все равно делим с тобой одни и те же небеса». Рита (решившая остаться на Востоке) с горечью отвечает: «Нет, сначала они разделили небеса». Каким бы апологетическим (для востока страны) ни был этот роман, он предлагает правильное понимание того, как наши «земные» разногласия и ссоры в конечном счете всегда восходят к «разделенным небесам»; то есть к гораздо более радикальному и исключительному разделению той самой (символической) вселенной, в которой мы обитаем. Носителем и инструментом этого «разделения небес» является язык как средство, поддерживающее наше восприятие реальности, — язык, а не примитивные эгоистические интересы, есть первый и главный разделитель. Именно из-за языка мы (можем) «живем в разных мирах» с нашими соседями, даже если они проживают на одной с нами улице.

Сегодня ситуация не такова, что небеса разделены на две сферы, как это было в период холодной войны, когда два глобальных мировоззрения боролись друг с другом. Разделение небес ныне все больше проявляется внутри каждой отдельно взятой страны.

В США, например, идет идеологическая и политическая гражданская война между ультраправыми и либерально-демократическим истеблишментом, в то время как в Великобритании существуют не менее глубокие разногласия, недавно проявившиеся в противостоянии сторонников и противников Брексита... Пространство для поиска взаимопонимания постоянно сокращается вслед за продолжающимся ограничением физического общественного пространства, и это происходит в то время, когда из-за многочисленных накладывающихся друг на друга кризисов глобальная солидарность и международное сотрудничество нужны как никогда.

В последние месяцы все более очевидными становятся часто тревожные признаки переплетения кризиса пандемии COVID-19 с продолжающимися социальными, политическими, экологическими и экономическими кризисами. Пандемию необходимо рассматривать в совокупности с глобальным потеплением, обострением классовых противоречий, патриархатом и женоненавистничеством, а также многими другими затянувшимися кризисами, которые перекликаются с ней и друг с другом в сложном взаимодействии. Это взаимодействие неконтролируемо и полно опасностей, и мы не можем рассчитывать ни на какие гарантии на небесах, которые бы позволили нам четко представить решение. Такая рискованная ситуация делает наш момент в высшей степени политическим: ситуация явно *не* превосходна, и именно поэтому необходимо действовать.

Так что же следует делать? Призыв Ленина к «конкретному анализу конкретной ситуации» сегодня более актуален, чем когда-либо. Никакая простая универсальная формула не годится: бывают моменты, когда необходима прагматичная поддержка скромных прогрессивных мер; бывают моменты, когда единственным путем является радикальная конфронтация; наконец, бывают моменты, когда отрезвляющее молчание (и пара милых варезек) говорят больше, чем тысяча слов.

1. Поменялись ли правила игры после атаки дрона в Саудовской Аравии?

Когда в сентябре 2019 года повстанцы-хуситы из Йемена нанесли при помощи беспилотника удар по нефтеперерабатывающим объектам компании Saudi Aramco, наши СМИ не раз назвали это событие «переломным моментом» — но было ли оно таковым на самом деле? В каком-то общем смысле да, поскольку оно нарушило мировые поставки нефти и увеличило вероятность крупного вооруженного конфликта на Ближнем Востоке. Однако следует быть осторожным, чтобы не упустить жестокую иронию этого утверждения.

Повстанцы-хуситы в Йемене уже много лет ведут открытую войну с Саудовской Аравией, а саудовские вооруженные силы (которым оружие поставляют США и Великобритания) практически уничтожили всю страну, без разбора бомбя гражданские объекты. Интервенция Саудовской Аравии привела к одной из страшнейших гуманитарных катастроф, в результате которой погибли десятки тысяч детей. Но, как и в случае с Ливией и Сирией, уничтожение целой страны здесь, оче-

видно, не меняет правила, а является частью обычной геополитической игры.

Даже если мы осуждаем акт хуситов, должны ли мы удивляться при виде того, что хуситы, загнанные в угол и оказавшиеся в отчаянной ситуации, наносят ответный удар любым доступным им способом? Их поступок отнюдь не меняет ход игры, а является ее логической кульминацией. Перефразируя одну из невыразимых пошлостей Дональда Трампа, они, наконец, нашли способ схватить Саудовскую Аравию за п****, где ей действительно больно. Или, перефразируя знаменитую строчку из «Трехгрошовой оперы» Брехта («Что такое ограбление банка по сравнению с основанием нового банка?»): что такое разрушение страны по сравнению с небольшим нарушением воспроизводства капитала?

Внимание медиа к «изменившей правила игры» атаке хуситов также весьма удобно отвлекло нас от других действительно меняющих правила проектов, таких как израильский план аннексии больших плодородных участков Западного берега реки Иордан¹. Он означал, что все разговоры о «двух государствах для двух народов» были просто пустыми разговорами, призванными замаскировать безжалостную реализацию современного колонизаторского проекта, в рамках которого палестинцев на Западном берегу ждет, в лучшем случае, пара жестко контролируемых бантустанов. Следует также отметить, что Израиль делает это при молчаливом

попустительстве Саудовской Аравии — еще одно доказательство того, что на Ближнем Востоке формируется новая ось зла, состоящая из Саудовской Аравии, Израиля, Египта и Объединенных Арабских Эмиратов. Вот где правила игры в самом деле меняются!

И, чтобы расширить рамки нашего анализа, следует также обратить внимание на то, как меняется игра в связи с протестами в Гонконге. Аспект, который, как правило, игнорируется в наших медиа, — это классовая борьба, подкрепляющая протесты в Гонконге против попыток Китая ограничить его автономию. Протесты в Гонконге сначала вспыхнули в бедных районах; богатые же процветали под контролем Китая. Затем послышался новый голос. 8 сентября 2019 года протестующие прошли маршем к консульству США в Гонконге, и CNN сообщил, что «На одном плакате, который несли на марше, было написано “Президент Трамп, пожалуйста, освободите Гонконг” на английском языке, [в то время как] некоторые участники марша пели национальный гимн США»². Тридцатилетний банкир Дэвид Вонг, по словам журналистов, сказал: «Мы разделяем американские ценности свободы и демократии». Всякий серьезный анализ протестов в Гонконге должен сосредоточить внимание на том, как социальный протест, потенциально действительно меняющий правила игры, преобразуется в стандартный нарратив о демократическом восстании против тоталитарного режима.

То же самое справедливо и насчет анализа материкового Китая, когда наши СМИ сообщают о том, как Институту экономики Unirule (одному из немногих оставшихся в Китае форпостов либеральной мысли) было приказано закрыться, и называют это еще одним признаком резкого сокращения пространства для общественных дебатов при правительстве Китая, которое возглавляет Си Цзиньпин. Однако это далеко от того полицейского давления, избиений и арестов, которым подвергаются левые студенты в Китае. Иронично, что, восприняв официальное возвращение к марксизму более серьезно, чем предполагалось, группы студентов организовали связи с рабочими, страдающими от жестокой эксплуатации на фабриках вокруг Пекина. Так, на химических заводах загрязнение часто превышает все нормы, в значительной степени является неконтролируемым и игнорируется государственной властью, и студенты помогают рабочим организовать и сформулировать свои требования. Такие связи между студентами и рабочими представляют собой настоящий вызов режиму, в то время как борьба между новой жесткой линией Си Цзиньпина и прокапиталистическими либералами в конечном счете является частью основной игры. Она выражает доминирующее напряжение между двумя вариантами необузданного капиталистического развития: авторитарным и либеральным.

Таким образом, во всех этих случаях, от Йемена до Китая, следует научиться отличать конфликты,

представляющие собой часть игры, от действительно переломных факторов, которые являются либо зловещими поворотами к худшему, замаскированными под продолжение обычного хода вещей (Израиль аннексирует значительную часть Западного берега реки Иордан), либо обнадеживающими признаками появления чего-то действительно нового. Преобладающий либеральный взгляд одержим первыми и чаще всего игнорирует вторые.

2. Кто выставляет Курдистан диким?

Более ста лет назад Карл Май написал бестселлер «По дикому Курдистану» о приключениях немецкого героя по имени Кара Бен Немси в той части света. Эта чрезвычайно популярная книга помогла сформировать в Центральной Европе представление о Курдистане как о месте жестокой межплеменной вражды, наивном прямодушии и чести, а также суеверий, предательства и постоянной беспощадной войны — почти карикатурного варварского Другого европейской цивилизации. Взглянув на сегодняшний Курдистан, нельзя не удивиться тому, насколько он контрастирует с этим клише. Когда я был в Турции, где относительно хорошо знаю ситуацию, я заметил, что курдское меньшинство является самой современной и светской частью общества, сторонится всякого религиозного фундаментализма и отличается развитым феминизмом.

Когда в октябре 2019 года Дональд Трамп одобрил нападение Турции на курдский анклав на севере Сирии, самопровозглашенный «стабильный гений» оправдал свое предательство курдов, отметив, что курды «не ангелы»³. Конечно, по его мнению,

единственными ангелами в этом регионе являются Израиль (особенно на Западном берегу реки Иордан) и Саудовская Аравия (особенно в Йемене). Однако, в некотором смысле, курды — *единственные* ангелы в этой части мира. Судьба курдов делает их образцовой жертвой продолжающихся геополитических колониальных игр: расположенная у границ четырех соседних государств (Турции, Сирии, Ирака, Ирана), их (более чем заслуженная) полная автономия не устраивала никого, и они заплатили за это дорогую цену. Помним ли мы все еще массовые бомбардировки Саддамом Хусейном и отравление газом курдов на севере Ирака в конце 1980-х годов? А сравнительно недавно Турция несколько лет вела хорошо спланированную военно-политическую игру, официально борясь с ИГИЛ*, но в действительности бомбя курдов, которые на самом деле борются с ИГИЛ**.

В последние десятилетия способность курдов организовывать свою общинную жизнь была проверена в почти идеальных экспериментальных условиях. В тот момент, когда им дали возможность свободно дышать вне конфликтов окружающих их государств, они удивили весь мир. После падения Саддама курдский анклав на севере Ирака стал единственной безопасной частью Ирака с хорошо функционирующими учреждениями и даже

* Запрещена в РФ. — *Прим. изд.*

** Запрещена в РФ. — *Прим. изд.*

регулярными авиарейсами в Европу. На севере Сирии курдский анклав с центром в Рожаве был уникальным местом в сегодняшнем геополитическом беспорядке. Когда курды получили передышку от постоянных угроз со стороны своих крупных соседей, они быстро построили общество, которое хочется назвать реально существующей и хорошо функционирующей утопией. Благодаря моему собственному профессиональному интересу я обратил внимание на процветающее интеллектуальное сообщество в Рожаве, куда меня неоднократно приглашали читать лекции (эти планы, к сожалению, не воплотились в жизнь из-за военной напряженности в регионе).

Но что меня особенно огорчило, так это реакция некоторых моих «левых» коллег, обеспокоенных тем фактом, что курдам приходится полагаться на военную защиту США. Что они должны были делать, оказавшись втянутыми в напряженные отношения с Турцией, гражданскую войну в Сирии, иракский хаос и противостояние с Ираном? Были ли у них другой выбор? Должны ли они были принести себя в жертву на алтарь антиимпериалистической солидарности? Эта «левая» критическая дистанция казалась не менее отвратительной, чем та, что наблюдалась в 2018 году, когда между Грецией и Республикой Македонией было достигнуто соглашение об урегулировании спора о названии последней. Решение, заключавшееся в том, чтобы Македония сменила свое название на Северную

Македонию, было немедленно осуждено радикалами в обеих странах. Греческие критики настаивали на том, что «Македония» — древнегреческое название, а македонские оппоненты чувствовали себя униженными из-за того, что их низвели до «северной» провинции, хотя они — единственные люди, именующие себя «македонцами». Каким бы несовершенным ни было это решение, оно давало надежду на прекращение долгих и бессмысленных трений путем разумного компромисса. Но тут захлопнулась ловушка другого «противоречия»: борьбы между крупными державами (США и ЕС с одной стороны и Россией — с другой). Запад оказывал давление на обе стороны, требуя достичь компромисса, чтобы Македония могла быстро вступить в ЕС и НАТО, в то время как, по сути, по той же причине (опасаясь потери влияния на Балканах), Россия выступала против этого, поддерживая яростные консервативные националистические силы в обеих странах. Так какую же сторону мы должны здесь принять? Я думаю, что мы должны решительно встать на сторону компромисса по той простой причине, что это единственное реалистичное решение проблемы. Поддержка России здесь означала бы необходимость принести в жертву международным геополитическим интересам разумное решение уникальной проблемы отношений Македонии и Греции. Не будет ли нанесен курдам такой же удар со стороны наших антиимпериалистических «левых»?

Содержание

Предисловие: ситуация все еще превосходна?	5
1. Поменялись ли правила игры после атаки дрона в Саудовской Аравии?	9
2. Кто выставляет Курдистан диким?	14
3. Неприятности в нашем раю	19
4. Опасность кофепития с Ассанжем	24
5. Анатомия переворота: демократия, библия и литий	28
6. Чили: к новому означающему Николь Барриа-Асенхо и Славой Жижек.	32
7. Поражение левых лейбористов: анализ причин	56
8. Да, антисемитизм живет и здравствует — но где?	61
9. Совершенно рациональный акт... в безумном мире	67
10. Победители и проигравшие в иранском кризисе	71
11. Утратила ли Америка моральное лидерство? Как США становятся четырехпартийной системой	75
12. Призыв к умеренно консервативным левым	83
13. Амазония горит — и что с того?	88
14. Радикальные перемены, а не сочувствие	96
15. Трамп против Rammstein	104
16. Вот уж точно день стыда!	114
17. Пределы демократии	120
18. Кураж ковидной безнадежности	129
19. Парадокс брадобрея по Трампу	138
20. Убить Трампа как понятие	142
21. Возрождение демократии? Только не с Джо Байденом!	146

22. Положение вещей: выбор.	151
23. «Великое обнуление?» Да, пожалуйста — но только настоящее!	161
24. Христос во времена пандемии	178
25. Сначала как фарс, потом как трагедия?	184
26. В чем величайшая измена Трампа?	194
27. За тебя, Джулиан Ассанж!	202
28. Байден о (несуществующей) душе Путина.	205
29. Классовая борьба против классизма	209
30. «Мы должны жить, пока не умрем»: что Rammstein могут рассказать нам о жизни в пандемию?	229
31. Европейский манифест	237
32. Какая игра больше не работает?	242
33. Свет в конце туннеля?.	249
34. Три этические позиции	255
35. Парижская коммуна 150 лет спустя	271
36. Почему я все еще коммунист.	290
Примечания	304